

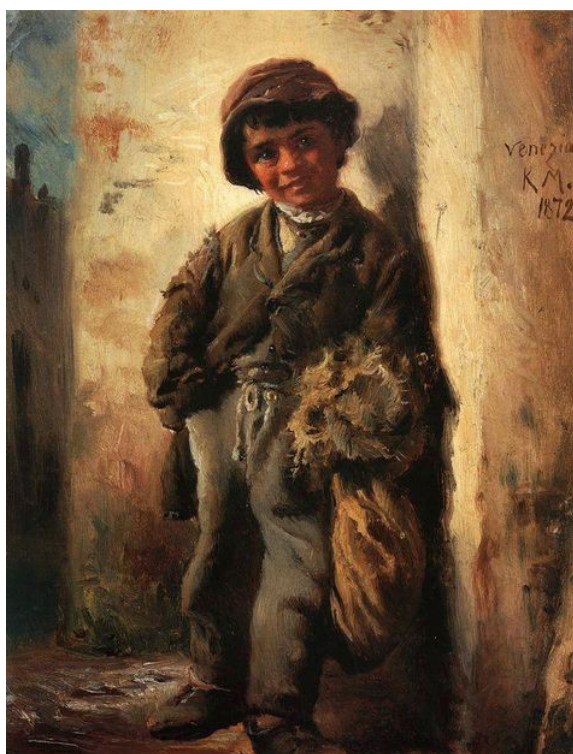
Раб и работа. К этимологии слов

Анатолий Мармазов

Аннотация

В статье рассматриваются взаимоотношения слов «раб», «работа» и «ребенок», при этом устанавливается, что слова «раб» и «работа» когда-то могли иметь другие значения и относиться вовсе не к маленькому ребенку, а к так называемому отроку, то есть подростку пубертатного периода до его вступления в брак, который обладал уже достаточной силой для того, чтобы начать подготовку к трудовой и сексуальной деятельности с помощью инициации под руководством жреца или путем отдачи его в другую семью. Аналогом того и другого является нынешняя армия.

В этимологических словарях слово «работа» возводят к восстановленному учеными праслав. слову *«orbota» (Успенский Л.В.), а слово «раб» - к общеслав. орбъ, которое связывают с латинск. orbis — «лишенный чего-либо» и древнеинд. arbhas — «слабый» (Крылов Г.И.). Упоминаются также старослав. роба — «рабыня» и немец. arbeit — «работа», которое связывают с мнением историка Тацита о том, что «вольнорожденные германцы не работали, они оставляли работу несвободным». Более того, и Крылов, и Успенский считают, что первоначальное значение слова «раб» в русском языке — «сирота», то есть ребенок, лишенный родителей, а затем произошел сдвиг значения в «подневольный работник», что в какой-то мере не лишено логики при наличии вышеприведенных латинского, древнеиндийского и немецкого слов.



Но в то же время на связь образа не только сироты, но и любого ребенка прошлых веков, имевшего живых родителей, с образом подневольного человека указывают слова Костомарова Н.И. о том, что «между родителями и детьми господствовал дух рабства, прикрытый ложной святостью патриархальных отношений... покорность детей была более рабская, чем детская, и власть родителей перед ними переходила в деспотизм без нравственной силы», с чем согласуется более позднее утверждение Ф. Арьеса о том, что до 16 века отсутствовало даже само понятие о ценности жизни ребенка, образ которого в таком случае еще крепче привязывается к образу обездоленного человека, что, однако, никак не совпадает с образом сильного и здорового раба-невольника, созданным христианской литературой, который, в отличие от слабого ребенка, был способен на любую физически затратную работу, в то время как не выросшие еще дети, лишенные родительского попечения, как, впрочем, и взрослые немощные люди, по большей части просили милостыню, что согласуется с русским диалектным сирота — живущий подаяннем, милостыней, нищий.



Более того, древнерусская община, к которой принадлежал лишенный родителей ребенок, могла, ведь, взять над ним шефство. В античных государствах существовали и специальные приюты для обездоленных людей. Хотя, конечно, бывало всякое,- в том числе отмечают и многочисленные случаи гибели малышей по недосмотру или от рук своих родителей, которым лишний рот был в тягость и которым просто некогда было смотреть за маленькими детьми.

Однако в случае длительных неурожаев, чтобы спасти себя и детей, уменьшив количество едоков, родители могли выбирать наиболее

смышленных и красивых из них и отправлять с проезжавшими мимо купцами в благополучные страны, где они и продавались в счет затрат на их дорожное содержание в услужение иностранным покупателям. Эта традиция сохранялась до конца 19 века, когда из Олонецкой губернии якобы для обучения какой-нибудь профессии отвозились подводы с живым товаром в Петербург. Все лучше, чем умереть с голоду. Но, опять же, эти дети не пахали, не сеяли, а прислуживали при доме или в поздние времена работали на мануфактуре. Поэтому слово «работа» со словом «ребенок» имеет опосредованную связь, хотя слово «ребенок», наверняка, связано с санскр. arbhā — маленький, слабый, ребенок и с латинск. orbis — «лишенный чего-либо». Например, до своего взросления и вступления в брак каждый из них был лишен права голоса и лично ему принадлежащих вещей и жизненного пространства. Но самое главное, чего был лишен каждый взрослеющий ребенок, это наличие «второй половинки», то есть супруги или супруга, что позволяло бы ему (и в какой-то мере ей) чувствовать себя полноценным членом общества.

Конечно, слабосильные по возрасту дети могли в древности выполнять какую-то определенную работу, но весьма незначительную. Их начали усиленно эксплуатировать лишь с резким всплеском промышленного развития в конце «просвещенного» 19 века, когда требовалась не грубая физическая сила, а, допустим, незначительные размеры, что позволяло промышленникам устанавливать станки почти вплотную друг к другу. Юркие и маленькие детишки сновали между этими станками там, где взрослый увалень определенно бы застрял. И при этом получали заработную плату значительно меньшую чем взрослые. Можно привести и еще одну работу, где использование низкорослых и худых в те времена детей считалось просто необходимым для нее,- это чистка печных труб в 18-19 веках, когда маленького ребенка на веревке опускали в трубу, чтобы он скребком отчищал ее от многолетней сажи. Этой по настоящему рабской и смертельной работой занимались дети, начиная с 8, а то и с 4 лет. Но ведь слова «раб» и «работа» возникли неизмеримо раньше 1728 года, когда в Копенгагене случился большой пожар, уничтоживший половину города и приведший к появлению профессии трубочиста.



При этом необходимо отметить, что в положении, сходном с положением ребенка-сироты, могла оказаться и женщина, потерявшая мужа-кормильца, что можно соотнести с санскр. словом *vidhavā* – вдова, которое, также как и латин. *orbus* – лишенный чего-л., имеет смысл разделения или лишения в элементах *vi* и *vidhā*, при том что *dhava* – муж, а *vidhu* - одинокий. В данном случае обратите внимание на связь санскр. *vidhu* с русскими словами «вид» и «видный», то есть выделившийся, а значит и противопоставленный всему остальному, что также согласуется с понятием вождя, который должен быть в единственном числе по своему статусу. На возможность соотнесения сироты со вдовой указывает и латин. *orba* – сирота, вдова, но дело в том, что здесь речь идет не о работе, как таковой, а об одиночестве, связанном с лишением или повреждением сакрального «круга», защищающего человека от разного рода неприятностей. Не зря же в санскрите слово *vara* имеет два значения: «ограниченное замкнутое пространство, круг» и «избранный, ценный, жених, супруг», в то время как фонетически схожие санскр. *varā* - богатство, множество и *-vāra* – отпор, отражение означают защиту и рост благосостояния, в том числе и увеличение семьи за счет родившихся детей.

Если же вспомнить о китайских инь и янь, символизирующих собой женское (темное) и мужское (светлое) начала, то их объединение в качестве противоположных субстанций создает тот великий круг, который одновременно символизирует Великий предел или Великое разделение, за чем на бытовом уровне может стоять появление округлого живота у беременной женщины с

последующим рождением ребенка. Не зря же инь и янь представлены в виде двух условных рыбок, при том что рыба в символике обозначает плодородие и сексуальную гармонию, что воплощается в крохотной «рыбке»-зародыше, плавающей в недрах материнского чрева.



Поэтому нелишне будет указать на латин. *ora* – граница, предел, *bita* – идти и объединяющее их слово «orbita» – круговой путь, орбита, которая представляет из себя определенную окружность, которую совершает спутник, двигаясь вокруг своего «сюзерена», и выпадение за границы которой означает разрыв «отношений» или удаление, что, между прочим, соответствует смыслам диалектного «сиротина» – девушка, брошенная любимым, и выражению «сиротские песни» – песни в свадебном обряде, которые поют подружки невесты, фактически прощаясь с нею, а также слову «сирота» – живущий подаянием, нищий, что равнозначно смыслу «человек, которого покинула прекрасная и добрая богиня Доля».

В данном случае интересно рассмотреть слово «отрок», которое может иметь смысл «не имеющий права говорить», что связывает его со словом «отречь». Но это же слово придает термину «отрок» и значение отречения, за которым может скрываться древний обычай отдавать своих детей в другие семьи для дальнейшего воспитания, который, в свою очередь, может быть связан с обрядовой инициацией повзрослевших детей, которые при этом отторгались от семьи. Поэтому слово «отрок» можно сопоставить и со словом о(т)торг(ать). Сравните: др.-русск. тѣргъ, старослав. трѣгъ или трогать < тѣргать (рвать, дергать, терзать) (Шанский Н.М.), где

происходит перестановка ър-ръ (ор-ро), а также русское диалектное отрокнуть — отбить, отбросить и торкать (торгать) - толкать.

То есть речь здесь идет об обрядовом разрывании связей между ребенком и родившей его семьей, что фактически соответствует временной границе между возмужалостью и детством. Причем эта временная граница была заполнена подготовкой ко взрослой жизни, проводившейся в запретном для других месте под руководством жреца, которая после ослабления язычества стала заменяться проживанием ребенка в другой семье.

Как мы видим в этих словах присутствует и значение торга,- то есть дети отдавались или запродавались не только для обучения с одновременным служением, но и в качестве прислуги, за что родители могли получать какие-то деньги. Видимо процесс обучения подростка перед его переходом во взрослое состояние был неразрывно связан с его прислуживанием своему учителю-знатку, как в русском народе называли колдунов, живших на отшибе и по слухам якшавшихся с нечистой силой, которые затем превратились в учителей, обучающих какой-нибудь профессии.

И здесь появляется образ ребенка, подвергнутого инициации, в качестве черта, имеющего, как правило, небольшой рост, который то появляется из-за сакральной границы (черты), то уходит обратно, делая при этом разные пакости православному люду, что может являться отображением языческого обряда, когда иницируемые «черты», живущие в запретном месте и на время потерявшие человеческий облик, совершали набеги на крестьянские поселения. При этом они приобретали значение тертости, то есть в результате многочисленных испытаний набирались опыта. А значит слово «черт» может иметь древние связи не только со словом «черта» (граница), но и со словами «тереть, тёрт».

При этом оно невидимыми нитями связано со словом «отрок», потому как и черту, и проходящему инициацию отроку суждено было быть отреченными от человеческого общества, но в отличие от христианского черта, языческий отрок мог окончательно осесть в человеческом мире.

О том, что и отрока, и черта можно сблизить с образом сироты, за которым может стоять обрядовое «отсутствие» родителей, потому

что парень начинал уже «вырастать» из них, но при этом еще не обретал свою вторую половину, свидетельствуют «неприличные сценки ряженных с участием «сиротинки», основной смысл которых — пародийно-смеховое изображение коитуса», указывающее на то, что «личины «нищего», «странника» и «сироты» являются разновидностью обычного для находящегося в предбрачном периоде юноши «скоморошье» облика». При этом сирота или сиротинка мужского и женского рода страдал не от рабства, как оно описывается в христианской литературе, а от отсутствия противоположного пола и от постоянных сексуальных фантазий, — то есть являлся их рабом, что определенным образом влияло на его моральный облик, мешая ему стать обрядово-поислушным членом культурного человеческого общества. Завершающим этапом наиболее древнего смысла термина сиротина (сирота) является представление сиротины в образе жениха или невесты, которым еще только предстоит обрести свой собственный семейный круг, который, хотя бы в идеале, их будет защищать.

Теперь по поводу этимологии слова «сырый» — одинокий, бесприютный, бездомный, от которого производят слово «сирота». Если предположить, что это слово в своих сакральных или табуированных значениях представляет из себя эвфемизм, обозначающий молодого и полного сил, но еще неженатого человека, то его можно сравнить не только с др.-гр. χῆρος — опустевший, осиротевший, лишенный, вдовец и χήρα — вдова, но и с ἦρος — утро, весна, весенняя свежесть, красота, цвет и ἦρα — приятное, удобное, желаемое, ἦρα — быть влюбленным, стремиться, страстно желать. При этом начальный элемент χῆ (= καὶ ἦ) имеет значения «невредимый, незадетый, несмоченный, неопробованный, неотведавший», «любимый, приятный, храбрый, благородный», «сосуд, вместилище, полость» и «разбивать, ломать», которые, как и значения элементов ἦρος и ἦρα, ἦρα, обладают явно сексуальным оттенком, свойственным надеждам и чаяниям взрослеющей молодежи.

Таким образом за словами «вдовец» и «вдова», а также за словом «сирота», может стоять сакральный смысл временного одиночества пока еще неженатых молодых людей: парня, будущего семейного правителя-сира (сэра) в качестве пахущего плуга и наделяющего влагой потока согласно санскр. sīra — плуг, sīgā — поток, и девушки, которой после свадьбы суждено было ткать хотя бы видимость семейного благополучия согласно санскр. sirī — ткачиха. Из-за

табуированности все это могло быть прикрыто отсутствием второй половины в результате ее смерти, хотя имеющий возможность, но не рожаящий, человек с точки зрения языческих верований, действительно, уподоблялся мертвецу, что, возможно, привело к появлению образа жениха-мертвеца. В принципе на это же указывают и выражения «соломенная вдова» и «соломенный вдовец», что означает отсутствие контакта между молодыми мужем и женой.

С этой точки зрения любопытно рассмотреть др.-гр. слово $\sigma\rho\omega\tau\eta\varsigma$ (сиротис), которое имеет значение «накрашенный белилами», что может относиться к древнегреческой традиции у тогдашних молодых модниц и модников изображать из себя бледнолицую и томную богиню или бога, тщательно отбеливая свинцовыми белилами свое лицо (отчего они и впрямь начинали бледнеть и болеть), что можно сопоставить с русским изображением худенького и бледного ребенка-сироты, а с другой стороны это может быть сопоставлено с личиной скомороха-сиротинушки с намазанным белой краской лицом. Древнерусские же девушки в основном предпочитали румяна, чтобы лицо выглядело румяным, а не бледным, - томные же красавицы (и красавцы) появились намного позже. Легкими косметическими средствами, между прочим, могли пользоваться и парни, чтобы выглядеть более привлекательно в глазах девушек, хотя наиболее brutальными когда-то были у них обильные борода с усами и шевелюра, указывающие по тем временам на большую плодоносную силу.

Прежде чем заняться исследованием термина «работа», представим себе, каким словом, общим для всех видов работ, можно его охарактеризовать? Пахарь, принимаясь за работу, «хватается» (берется) за соху, дровосек — за топор, смельчак, идущий на медведя, - за рогатину, воин — за оружие, книгоуч — за книгу, философ - за идею и т. д. Общим для всех видов древней работы был термин «хватать» (братъ), который по смыслу соответствует санскр. « $rabh$ » (равному $\bar{a}rabh$) в значениях "начинать, захватывать, удерживать, зажимать, обвивать", при том что рефлексом хватания отличаются как $rabha$ – обезьяны, так и человеческие детеныши, похожие на маленьких обезьянок. Это древнейший смысл слова «раб», к которому в дальнейшем прилип и смысл захвата невольников, в результате чего слово «раб» со значением «тот, кто захватывает» (то есть включает в свою «орбиту») было подменено его полной противоположностью со

значением «тот, кого хватают». Несмотря на это сохранились и древнейшие значения «раб божий» и «раба или раб любви», где элемент захвата оформлен в виде сильной эмоциональной зависимости человека от бога или от своего избранника (избранницы), а также ребенка от матери.

Обращает на себя внимание и русское диалектное рабить — работать, ловить, догонять девушку при игре в парочки, что не случайным образом находит свое отражение в индо-ар. *kāma* - страсть, желание, любовь, половой акт и *kāmā* — работник, при том что швабск. *arbeit* — детская болезнь, сопровождаемая конвульсиями, может быть ассоциативно связано с имитацией полового акта, приводящего к рождению ребенка, а устарелое нидерл. *arbeidt* — родовые муки связывает понятия тяжелой работы и родов.



Между тем, санскр. «*rabhas*» — сила, мощь, энергия, стремительность, рвение, связанное с *rabh* — начинать, захватывать, удерживать (объект делания или объект, с помощью которого это делание производится) своей противоположностью имеет санскр. «*arbha*» — маленький, слабый, ребенок что, по сути, означает «не сильный», а точнее «пока еще не сильный». «*Arbha*» — это сила в начале своего развития, когда она является еще незначительной, когда ее можно «схватить» и с легкостью «поняньчить» на руках. Так в сознании древних сила взрослого человека (или, например, великой реки) связывается со слабостью его детства (или ее истока), поэтому санскр. «*bala*» — юный, молодой, неопытный имеет также значение «сила, мощь, энергия, власть», а санскр. «*śavas*» - сила,

могущество лишь одной буквой отличается от «śāva» - детёныш.

Более того само слово «человек» в древности могло быть связано со взрослым состоянием, когда бывший ребенок после своего взросления и вступления в брак получал право голоса, что закреплялось после выделения из семьи (по согласию отца) правом владеть своей собственной землей и имуществом, а значит лишенный всего этого ребенок-orbus не считался еще человеком вплоть до своего взросления, что привязывает его к образу rabha – обезьяны, похожей на человека, но им не являющейся. В то же время стоит обратить внимание на то, что обезьяна в Индии обожествляется, что связывает санскр. rabha с турецк. rab – бог и с арабск. rabb – правитель, мастер, бог, в то время как турецк. rabit означает связь, что любопытно сопоставить с латин. orbita – круговой путь, орбита.

Таким образом, ни слабость, ни детство не могли стать синонимом подневольного труда в древности. Хотя, конечно, в той же Спарте детей забирали у родителей, но лишь для того, чтобы воспитать из них могучих воинов, а не сделать рабами в современном смысле слова. Благодаря этому соблюдалась связь детской слабости и последующей силы повзрослевшего человека.

Едва ли не для любой физической работы в древности требовалась значительная мускульная сила, поэтому санскр. «rabhas» – сила, мощь, энергия, конечно же, связано с русским словом «работа». Как связано с ним и санскр. слово "rabhate" - начало, ведь слово "начало" является синонимом таких слов как "начинание, дело, затея, предприятие", которые можно связать со словом "работа". Но солнце, двигаясь по небу в одном и том же направлении, тоже совершает работу и тоже не может выйти из раз и навсегда определенного для него круга жизни. Оно не вольно двигаться туда, куда ему заблагорассудится,- так же и раб в современном понимании слова не волен в своем движении. Но работу нашего драгоценного светила никому не придет в голову связывать с унижительным словом «рабство».



Фактически в уже упомянутой выше древней Спарте ребенок, оторванный от родителей, действительно, начинал «работать», но эта работа называлась подготовкой к службе. И здесь возникает интересная трактовка этого слова через военную или гражданскую службу своему работодателю, - господину или государству, а в наиболее древнем значении - службу солнцу и звездному небу.

В санскрите есть слова «га» - давать, дарить, жаловать и «bhata» - заработная или арендная плата, наем, нанятый солдат, воин, прислужник, слуга. Сравните: монг. «бата» - твердый, крепкий, надежный, верный и санскр. baṭu — мальчик, сорванец. Соединение двух слов га+bhata также могло дать слово «работа», освященное блеском и теплом работяги-солнца или красотой спокойного ночного неба, на котором тоже есть свои «светлые» работники — большая луна или месяц и маленькие звезды. Соединение же санскр. ага в значении «скорый, быстрый, соответствующий» и bhata в значении «воин, прислужник, слуга» дает слово agabhata – инициативный, смелый, отважный, что фонетически схоже с нем. arbeit, а по смыслу соответствует более древнему значению турец. слова «gab» в значении «мастер своего дела».

Можно предположить, что изначально в те благословенные времена, когда не было войн и армий, а племена еще не были оседлыми, слово «bhata» образовалось из «bha» — звезды, светило, солнце и «at» (pf. «āta») - бродить, странствовать. Возможно, в связи с образом странствующего и при этом работающего

(освещающего землю) солнца или с образами «работающих» по ночам луны и звезд и появился институт странничества, связанный не только со странниками, исполнявшими свою духовную миссию, но и с торговцами, мореходами, бродячими музыкантами и ремесленниками, а также с древними геологами, занимавшимися поисками полезных ископаемых. Не зря же к странникам на Руси и не только на Руси всегда относились с большим уважением. Потом, конечно, со странствующим солнцем или совершающим свой круговорот звездным небом стали сравнивать идущих по земле воинов с их блестящим вооружением.

Сакральность древнейшего слова «работа» подчеркивает и то, что элементы, его составляющие, имеют также значение «светлости, яркости» (санскр. «āga» - медь, бронза, «bhā» — светить, «bhata» - светящийся, светлый, проявляющийся, «ga» тоже может иметь значение «огонь, жар»). И то правда: каждая работа вне дома происходила в те времена при свете солнца. Вспомните также древнерусское выражение «светлый князь», а затем уже «ваша светлость», и древнеегипетское соединение образа фараона с образом солнца. Возможно, существует и связь слова «хан» (kan, khan) со словами «кун, sun, son, zon» (солнце). Все эти титулы через образ работающего солнца соотносятся и с самим словом «работа».

Исходя из того, что «га» - давать, дарить, жаловать и gā = raī (богатство), в то время как i – подниматься, достигать чего-л., можно определить контуры настоящего земного рая, чье название, возможно, связано с санскр. «гаj» (с переходом «j» в «й») — светящийся, сияющий, когда многовековое потепление на земле с обилием солнечных дней способствовало тому, что была прекрасная (светлая) погода и всего было вдоволь при относительной малочисленности населения, и, к тому же, в те времена еще не было людей, готовых все это присвоить исключительно себе. Когда приходила весна, то сытые и веселые люди с песнями, славящими богов (bha – светило, солнце, gā — идти, gā — петь, восхвалять, воспевать, bhaga – счастье, благополучие, bhoga — пища, удовольствие), выходили на заре в поля для посева, а затем с песнями убирали урожай, которого вполне хватало до следующего урожая, при том, что в реках было много рыбы, а зверя в лесах. В общем, было настоящее царство благословенного «Ra» - дарителя, то есть царство Солнца.



Но затем климат на земле стал резко меняться, а численность населения к тому времени значительно увеличилась. Урожаи резко упали и еды стало на всех не хватать. Голодные и озлобленные люди научились собираться в «шайки» и грабить более благополучных соседей. Так появились прообразы будущих армий, и так появились вожди, которые вели быстрые победные «дружины» (dru – бежать, спешить, drū – швырять, бросать, убивать + jina – победитель) на поиски своей доли, отнимая ее у мирных земледельцев, в противовес чему появились хорошо оплачиваемые дружины, берущие их под свое покровительство. Происходило изменение смысла слов «взять» и «доля»,- если раньше брали свою долю исключительно от щедрот природы, то затем могли взять и чужую, не принадлежащую им по праву, обездоливая этим умелых работников. Конечно же были и другие вожди, которые уводили людей на поиски счастливой доли или земли, - вроде того как их потомки искали золотую страну «Эльдорадо».

Любопытно, что под санскр. словом «gabha» подразумевают обезьяну, которую в Индии никому не придет в голову назвать «рабой». С обезьянами там носятся как с «писаной торбой», позволяя делать им все что угодно,- несмотря на то, что они не только хватаются за ветки, прыгая по деревьям, но и могут выхватить у зазевавшейся женщины даже маленького ребенка.



В противоположность более древним религиям, христианство отрицательно относится к образу обезьяны, называя дьявола обезьяной бога. Поэтому понятно переложение образа обезьяны на образ подневольного человека, недостойного по средневековой европейской мысли называться человеком, - и это несмотря на то, что самые первые христиане в основной своей массе также были невольниками. Этот казус можно объяснить тем, что многие подневольные люди эпохи христианства являлись язычниками, захваченными христианами в плен, или же просто социально униженными по разным причинам людьми. Со временем такие люди тоже стали считаться христианами, но все равно они продолжали исполнять в своей среде многие языческие обряды и ритуалы, зачастую лишь замаскированные под христианские.

Поэтому есть смысл производить слово «крестьянин» не от «христианин», а от санскр. *kr̥ṣṭa* — пахать, обрабатывать, пашня с добавлением *jan* — родиться, рождаться (с переходом *j* в *й*) или *yaṇ* (= *yad*) — кто, который. Таким образом слово «крестьяне» можно трактовать как «рожденные обрабатывать землю» или «(тот) кто пашет».

Любопытно, что до сих пор слово «пахать» существует в смысле «усиленно работать», вот только примеряют его к себе не только настоящие крестьяне, но и все, кому не лень, в том числе и руководящие работники, подспудно сравнивая себя с солнцем, поливающим землю солнечной спермой, как крестьяне

«поливают» ее семенами. Не зря же слова «пах» и «пахать» соединяют вместе работу ночную и работу дневную. Так что многие руководящие работники, действительно, могут пахать, но только по ночам.

А между тем очень длинные рукава у боярского кафтана (значительно ниже кистей рук) были предназначены для того, чтобы показать отличие бояр от простого люда, которому перед работой, наоборот, было сподручней закатывать рукава (и так доходящие в лучшем случае до кисти). Из-за такого длиннющего рукава невозможно было что-нибудь схватить, - то есть стать «хватаящим» (работником), а с другой стороны это очень неудобно, поэтому в рукавах проделывались прорезы, чтобы бояре могли все-таки что-нибудь «схватить», например, чару с вином. Этот факт выявляет тогдашнее противоречие между старым значением слова «rabh» - хватать (добровольно) и его новым значением «схваченный» или тот, кто был вынужден «хватать» сельскохозяйственное орудие, чтобы заниматься тяжелым подневольным трудом.



В то же время, если обратиться к санскриту, то можно обнаружить такие слова как bhara – иметь, нести, кормить, поддерживать, (со)чувствовать и ip – быть повелителем или хозяином чего-л., которое имеет два дополнительных смысла «вселять силу,

радовать» и «использовать силу, заставлять, насиловать». Их соединение дает слово «bhārin» — несущий, тяжелый, нагруженный, которое определило эволюцию образа фактически мастера своего дела, несущего полученный урожай в общественный амбар, в образ откровенного хапуги-барина, прячущего не им созданное добро в собственные закрома, с промежуточным образом вождя, делящего все по совести и чину. Поэтому слову bhārin с учетом длинного ā более точно соответствует соединение bha (светило, солнце) + ag (хвалить, восхвалять; размещать, побуждать, причинять боль, страдание) + in (быть повелителем или хозяином чего-л.), что когда-то могло относиться и к умелому крестьянину, работавшему на своей земле, который одновременно и прославлял землю-матушку, и насилывал ее сельскохозяйственными орудиями, и извинялся перед ней, — а также, например, к удачливому охотнику, который не только убивал зверя или птицу, но и просил у них прощения согласно древнему охотничьему обычаю.

Если же сравнить слово «bhar» — иметь, нести, кормить, поддерживать и слово «rabh» — начинать, захватывать, удерживать, то можно увидеть, что значения слова rabh, как правило, предшествуют значениям слова bhar, потому что любое благополучие начинается с работы или с более современного рейдерского захвата, — это уж как кому удавалось и удается. Поэтому в санскрите есть слово «bhārin» — несущий, тяжелый, нагруженный, но нет слова rabhin, потому что с in — быть хозяином можно сопоставить достижения, связанные с завершением процесса созидания, а не с его началом.

В то же время у евреев имеется фамилия Рабин, которую связывают со смыслом ивр. рабби — мой господин и ребе — учитель, наставник, что опять же указывает на божественность слова «раб», потому что такими учителями-наставниками могли быть жрецы, под руководством которых происходила инициация молодежи или тогдашних «сирот», оторванных от родителей, но зато получавших после тяжелых испытаний или тяжелой работы не только право голоса, но и право на вступление в законный брак. Поэтому в слове «раб» заложен тот же смысл сопоставления начала и зрелости, что и в санскр. словах bāla — юный, незрелый и bala — сила, власть, насилие, śāva — детеныш и śavas — сила, могущество, где зафиксировано не только насилие над ребенком, связанное с его жестким в прошлые времена жреческим воспитанием в русле свойственных народам традиций и обычаев, но и возможность

самого ребенка в будущем приобрести силу и власть, чтобы уже в новые христианские времена таким же образом самому воспитывать и учить собственных детей, соблюдая вечный круговорот жизни: дети → родители → дети и так без конца.

Поэтому на униженное положение ребенка в прошлом вплоть до его взросления мы не должны смотреть с позиций нынешнего времени, без учета того, что его сызмальства приучали к невероятным трудностям, которые были неизбежны на всем его жизненном пути. А значит без такого воспитания у ребенка не было шансов выжить.

Что же касается известного сопоставления slave — раб, то оно будет рассмотрено в соответствующей статье. Можно лишь сказать, что здесь имеет место как сопоставление «связанных общей цепью или веревкой рабов» и «связанных общинными законами славян», так и, возможно, несправедливое сопоставление условий жизни и работы славянского населения и жителей более богатых земель, восходящее к «Войне с готами» Прокопия Кесарийского.

Литература

Успенский Л.В. Почему не иначе? Этимологический словарь

Крылов Г.И. Этимологический словарь русского языка

Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка

Костомаров Н.И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа

Аръес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке

Monier-Williams A Sanskrit-English Dictionary

Storfer A.J. Woerter und Ihre Schicksale

Каримова Р.Х. К вопросу о происхождении слова arbeit (компаративный аспект)

Илюха Ольга Котя, котя, продай дитя

Stowasser J. Dunkle Wörter; lexikalisches

Словарь русских народных говоров

Дворецкий И.Х., Корольков Д.Н. Латинско-русский словарь

Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь

H. G. Liddell, R. Scott H. S. Jones A Greek-English Lexicon

Морозов И.А. Отрок и сиротинушка (возрастные обряды в контексте сюжета о «похищенных детях»)

<https://disgustingmen.com/history/deti-trubochisty/>

Turner R.L. A Comparative Dictionary of the Indo-Aryan Languages

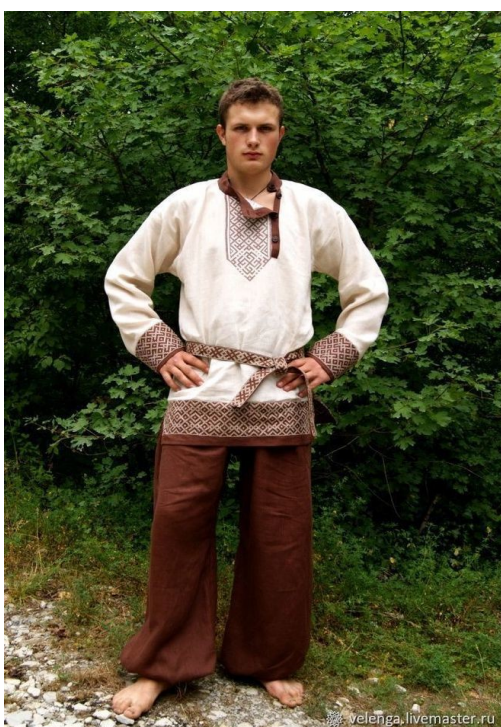
Картинки взяты из интернета. Спасибо авторам.

Раб и работа. К этимологии слов. Часть 2

В первой части статьи «К этимологии слова "раб" и слова "работа"» указывалось на то, что слово «работа» может быть связано с санскр. «га» - давать, дарить, жаловать и «bhata» - заработная или арендная плата, наем, нанятый солдат, воин, прислужник, слуга, что, в принципе, можно назвать и службой.



При этом любопытно, что в вологодских говорах сохранилось слово «работа» в значениях «броситься на кого-нибудь с криком, бранью; налететь с враждебными намерениями, напасть», что характеризует в том числе и атаку воинского подразделения на врага, а также слово «работный» в значениях «здоровый, сильный, трудоспособный», которое можно сопоставить с санскр. rabhasa – бурный, стремительный, сильный, мощный и индогерм. gab- порывистость, стремительность, пыл, при том что молодые люди с такими характеристиками после взросления и соответствующего обучения могли хорошо работать и в поле, и на военном поприще, давая возможность процветать своему роду.



Поэтому попытка связать слово «раб» только лишь с маленьким и слабым ребенком-сиротой страдает отсутствием логики, так как нужно иметь ввиду, что осиротевшим молодой человек может чувствовать себя и после того, как его изымают из семьи, например, для прохождения армейской службы, а в более ранние времена для прохождения обрядовой инициации, знаменовавшей переход бесправного до этого ребенка в новое для него качество взрослого человека, который в итоге получал не только право высказать свое мнение обществу и быть им услышанным, но и право жить своей собственной жизнью, независимой от родителей, в случае его выделения из первоначальной семьи.

В таком случае можно предположить, что подросток, забираемый из-под опеки родителей для прохождения инициации в запретном для других месте или для прохождения воинской службы, соответствует изначальному смыслу славянского слова сирь — безродный и одинокий (поначалу), от которого производят слово «сирота», а молодой человек, получивший статус взрослого члена общества, соответствует уже европ. слову sir, которое применяется в качестве почетного титула и происходит, как считается, от вульгарного варианта латинского слова senior со значением «старший, высший, взрослый».



Отражением этой взаимосвязи является употребление слова sir (в последствии сэр) по отношению к обладателю рыцарского звания, а также по отношению к правителю-мужчине с общими значениями «отец, немолодой сановник». Однако среднефр. siret - испытывать желание в первую очередь могло относиться к молодому человеку, в котором «проснулось» сексуальное чувство. Такому человеку соответствуют и значения санскр. śrī — счастье, успех, богатство, великолепие, наряд, знаки царского достоинства, если учесть тождественность титула «сир (сэр)» титулу «Ваша светлость».



Можно также предположить, что современное слово «раб» и летописное роба — рабыня, а также староболг. раба — рабыня, горничная, служанка, девица, связаны с шумерскими словами gab - культовая женщина, круг, окружность, смесь, молотьба, куча, груда, масса, ступка, петля, зажим, обруч, хомут, кольцо, тиски, большой, главный, взрослый, громкий и gaba – петля, зажим, обруч, хомут, большой, великий по причине ассоциативной связи с образом невольника, закованного в цепи, хотя в своей истинной основе эти условные цепи могли быть по большей части духовными или же семейными, а не символизировать собой издевательство человека над человеком.



Однако стоит обратить внимание и на то, что значения «большой, главный, взрослый, зажим, тиски, смесь, молотьба, ступка» входят в семантику молотьбы хлеба, который, как известно, всему голова и который предварительно связывается в пучки для просушки. Такой пучок или сноп по славянским представлениям является одним из символов плодородия и сосредоточением живительной силы злаков. С

другой стороны значение «культовая женщина», а точнее «женщина культа», может относиться к шумерским жрицам, которые делились на низших, которые с помощью культовой проституции зарабатывали деньги для храма, и высших, из числа которых выбиралась невеста для бога, которую можно назвать и наложницей, и служанкой, и непорочной девой, потому как она могла принадлежать только богу.



При этом значения «большой, главный, взрослый», которые сопоставимы со значениями турец. *gab* - бог, господин, владелец и араб. *gabâ'* – статус, положение, уровень, и значения «рабыня, горничная, служанка, девица» соответствуют шумер. *saġ* — ведущий, руководящий, горничная, служанка, раб», с которым, в свою очередь, могут быть связаны санскр. *sakhī* – друг, приятель, помощник, подруга, спутница, наперсница, хозяйка, госпожа и этноним саки, что означает «союзники», а также титул сахиб (сагиб), которым именуют владыку, господина.

В принципе все эти значения соответствуют терминам «ведущий», то есть главный, и «ведомый», то есть подчиненный. Одновременно здесь присутствует и символика обратной связи более слабого с более сильным, - например жены и детей с мужем и отцом, который в том же Шумере мог запросто продать их в рабство или же сдать в наем.

Но в то же время шумерск. *gab* — круг, окружность, петля, зажим, обруч, хомут, кольцо, тиски, молотья, смесь может обозначать процесс совокупления, как и санскр. *sag* (*sagati*) – покрывать, захватывать, закрывать в сопоставлении с санскритскими словами *śak* — быть сильным, могучим, могущим и *śakh* — охватывать, проникать. Поэтому испанское диалектное слово «*gabos*» трактуется как «*garoso ó zorro*», при том что слово «*garoso*» можно перевести как «льстец, хитрец, сопляк, молокосос, лис(а)», а слово «*zorro*» помимо этих значений и как «проститутка, шлюха». В отдельном случае шумерским словом *gab* — круг, окружность, петля, зажим, обруч, хомут, кольцо, тиски можно обозначить одежду-робу, наподобие магического круга, прикрывающую тело человека

На сексуальный характер этих слов указывает и исп. *рабо* – хвост, мякина, высевки, нетерпение, торчащий конец, воровство, мужской член,- возбуждение которого заставляет «гордого» до этого мужчину лстыть и пресмыкаться перед недотрогой-женщиной в попытках ее завоевать. К месту здесь будет и упоминание о венике из притчи, который невозможно было сломать в отличие от составляющих его хворостинок, что символизирует единение семейного коллектива и каждого из его членов.



В то же время вологодские слова *работа* — налететь с враждебными намерениями и *работный* — здоровый, сильный, трудоспособный, да и русское диалектное слово «работать» — возделывать, обрабатывать, бить, хорошо сопоставляются с англ. *rob* – грабить и *robust* - здоровый, крепкий, сильный, устойчивый, трудный, требующий усилий, потому что нападение более сильных на более слабых, как правило, заканчивалось грабежом последних, но в то же время трудовые будни крестьян по выращиванию урожая заканчивались его изъятием у матушки-земли, что подводит к образу физически слабой женщины (за исключением отдельных случаев), у которой в результате родов отнимается ребенок и которая до этого хорошо потрудилась, вынашивая ребенка и испытывая родовые муки. Поэтому русское диалектное «трудиться» имеет значения «испытывать боль при родах, рожать, плакать, рыдать», а также «ходить на поклонение к иконе», что можно образно связать с поклонением матушке-земле или женщине, а также с половым актом, как это кощунственно ни звучит по отношению к символам религии.

Более того слово «работа» в значениях ««броситься на кого-нибудь с криком, бранью; налететь с враждебными намерениями, напасть» можно сравнить со словом *ra'batu* – приступ ярости, буйства из древнего аккадского языка и с англ. *rabid* — безумный, яростный, неистовый,- где присутствует цель запугивания противника, если применить эти значения к описанию воинской атаки на врага. При этом нужно добавить, что применяемые при древней инициации подростков наркотические средства на время изменяли их психику и заставляли действовать наподобие волчьей стаи, которая вполне могла нападать и грабить. Благодаря этому происходил выплеск дикой энергии, связанной со взрослением организма, что давало возможность перебеситься.



В других случаях, как, например, в древней Спарте, подростков отнимали у родителей и делали из них воинов, или же подростки отдавались в чужую семью, что также являлось своего рода инициацией, роль которой в нынешнее время выполняет армейская служба. Так что, видимо, не случайно слово «армия», которое считают произошедшим от латин. *armare* — вооружать, имеет элемент *arma*, отображенный в др.-гр. ἄρμα — конная запряжка, боевая колесница, любовь, потому как в этих словах имеется смысл, определяемый др.-гр. ἄρμος — связь, скрепа, скрепление, нагромождение, паз, щель, колышек, где присутствует явно эротический подтекст, который есть и в санскр. *rabh* – начинать, предпринимать, мечтать, хватать, охватывать, потому что со взрослением молодого организма начинаются мечты о второй «половинке».



А значит слова «раб» и «работа» с учетом клятвы, даваемой при заключении брака, могут иметь такой же эротический подтекст, связанный со взаимными обязанностями мужа и жены друг перед другом. В принципе, на это указывают индоарийские слова *kāma* - страсть, желание, любовь, половой акт и *kāmā* — работник.



Скрытые смыслы активной деятельности, заключенные в слове «работа» и в его элементах, связанных с санскритскими словами «га» - давать, дарить, овладевать, продвигаться и «bhata» - заработная или арендная плата, наем, нанятый солдат, воин, прислужник, слуга, дополнительно подтверждаются протоиндоевропейскими словами ag(ə) — вкладывать, пахать, ag - двигаться, распределять, передавать, посылать и bhāt- (bhət-) - нажимать, попадать, поражать, ударять, бить, а также bheid- вонзаться, проникать, протыкать, соединение которых могло дать переосмысленные фарерск. arbeið — занятость, использование, наем, работа, задание, должность, цель и нем. arbeit – действие, работа, изделие с учетом того, что работа с землей или работа на поле битвы требуют больших усилий и такой же интенсивности действий.

Таким образом представленные слова, как минимум, могут иметь значения, объединяющие действия крестьянина, засевающего поле и пашущего землю, и воина, сражающегося на поле боя, к чему можно добавить действия охотника, убивающего стрелой или копьем зверя. При этом все три значения могут быть связаны с протыканием тела земли, тела животного и тела человека, но в то же время они заведомо связаны с передачей определенного действия от субъекта к объекту.

Эти субъект и объект, в свою очередь, связываются между собой производимым действием, что соответствует перс. рабэтэ — связь, отношения или узбек. робита с тем же значением, которые при этом можно сравнить с укр. робити — работать.



Путь солнца по небу

Если же вспомнить о работающем с утра до вечера солнце, которое обозначается египетским словом Ra, то у русского слова «работа» и у немецкого слова arbeit, а также у перс. рабэтэ и узбек. робита со значениями связи, возникает закономерное сопоставление с латинским словом orbita – след, отпечаток, круговой путь, орбита, навык, которое не случайно фонетически схоже с латин. orbitas – утрата, потеря, отсутствие (после захода солнца), потому что оба эти слова содержат в себе элемент orbis – совокупность, система, область, человеческий род, небесный свод, земля, круговое движение, смена, переворот, где смысл сменяемости поколений или сансары является лишь одним из вариантов трактовки.

При этом стоит обратить внимание на то, что значения латинских слов orbita – след, отпечаток и orbis – совокупность, система по внутренней логике не только тождественны перс. рабэтэ — связь, отношения и укр. робити — предпринимать, делать, поступать, творить, но и соответствуют шумер. nisRab — круг, кольцо, сустав, шов, стык, соединение, сочленение, а также через ассоциацию они соответствуют санскр. rabh – хватать, охватывать,- в данном случае «охватывать с флангов», «брать в кольцо» или «обнимать».

В любом случае должна быть некая территория или некий объект, которые необходимо было охватить. Или же этот некий объект сам совершал круговое движение вокруг территории или другого важного объекта в качестве охраны или определенного влечения. Таким объектом в первую очередь мог быть небесный свод во главе с солнцем, с которым вполне логично сравнивался правитель какой-нибудь значимой территории

То, что каждое подобное слово со своими вариациями имело широкое распространение, доказывают арабские слова ara — дело, бой, операция, a'ra — давать, оказывать, что можно сравнить с санскр. ra - давать, дарить, жаловать, и bata — отрубать, разъединять, batha – рассеивать, разбрасывать, batha – цель, предназначение, при том что современное арабск. ba'athā означает «испускать, посылать, подстрекать, пробуждать», что когда-то могло относиться и к образу пробуждающего земной мир солнца - Ra, которое посылает свои острые лучи, пронзающие и рассекающие темноту, чтобы дать начало новому трудовому дню.



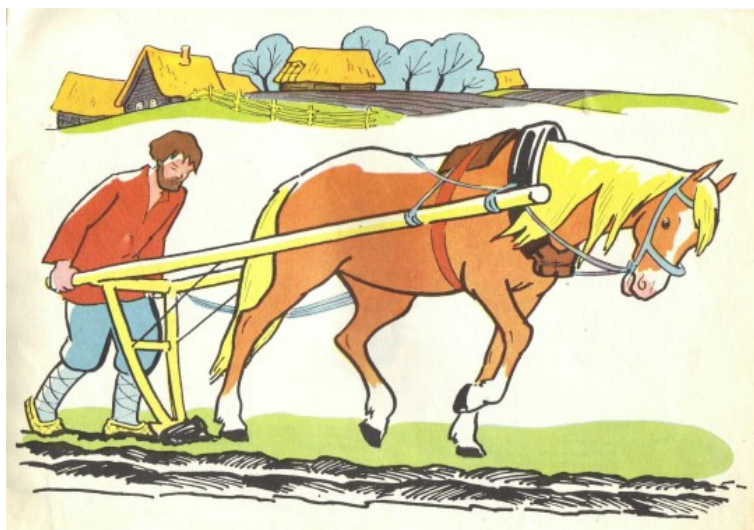
Здесь очевидным образом процессы протыкания, разрубания и рассеивания увязаны в единый образ нарушения целостности объекта в результате контакта с ним

активного мужского начала. Так первые проблески начинающегося дня нарушают целостность ночи, а струйки небесного дождя нарушают целостность земной поверхности, но в то же время эти образы могут иметь чрезвычайно важный для сохранения жизни на земле сексуальный оттенок.

Поэтому стоит обратить внимание на егип. *gā āb* - быть возбужденным любовью или страстью, одержимость демоном, а также на семит. *gb(b)* — хотеть, любить, желать и *g' b* (*rāb*, *r' ab*) — быть одержимым духами (о знахаре), которые первыми значениями связаны не только с арабск. *gabī'* – весна, весеннее время и *gābī* (*rābā*) — подниматься, увеличиваться, возрастая, набухать, оживать, что соответствует времени оживления процесса плодородия в природе, но и с арабск. *gaḥā'* — переспать, совершать половой акт, сожителем, что можно сопоставить как с арабск. *gabā* — повзрослеть, возмужать, размножиться, так и с арабским *gāḥa'* — ударить, проткнуть, ужалить, уколоть, которое по смыслу схоже с протоиндоевропейскими словами *bhāt-* (*bhēt-*) - нажимать, попадать, поражать, ударять, бить и *bheid-* вонзаться, проникать, протыкать.

Естественным образом весеннее возрождение природы привязано к образу молодого и поэтому яркого солнца-любовника, оплодотворяющего бесплодную до этого землю, на что могут указывать хинд. *я́р* — друг, товарищ, любовник (что не противоречит протоиндоевр. *ag(ə)* — вкладывать, пахать и *ag* - двигаться, распределять, передавать, посылать), *раб́и* - весна, весенний урожай и *рабт́* — дружба, связь, отношения.

Поэтому необходимо также включить в список вышеприведенных слов и русские слова «ярый» и «батя», а также тюркск. *батыр* — богатырь, потому что батя когда-то из всех сил «тянул лямку», стремясь обеспечить семью всем необходимым для ее сносного проживания. Естественно, что для этого требовались немалое упорство и здоровье как в физическом, так и в сексуальном плане, потому что урожайность поля по народным верованиям ставилась в зависимость от количества детей в семье, которые по мере взросления и укрепления организма становились активными помощниками отца или матери.



При этом значения индийского диалектного *gab* — здоровый, прочный, умелый, полный, совершенный, интенсивный, слава, известность, касаться, глубоко нырять, исследовать, щуп, зонд, узкий пролив, проход, в котором запряганы взаимоотношения мужского и женского начал, можно сопоставить не только со значениями угарит. *gb* – главный, великий, обширный, правитель, вельможа, но и со значениями перс. *gab* – сосать (грудь, вымя), что относится к младенцу или детенышу животного как следствию этих взаимоотношений.

Можно также указать на индийские диалектные слова *gabais* — предварительные ласки и *gabhas* — любовные забавы в сопоставлении с санскр. *gabhasa* — бурный, стремительный, сильный, которые гармонируют с другими значениями слова *gabais* — красавец, хвостун, красавица, лакомый кусочек (о женщине), падение, удар, дробилка, взломщик, а также бедняк, босяк.

Здесь необходимо указать на тот факт, что термины «бедняк, босяк» в данном случае могут относиться к постельным сценам, когда человек обладает минимумом или полным отсутствием одежды и вдобавок является сексуально голодным. Именно к действиям такого «босяка» когда-то могли относиться древнефранцузские слова *gabater* – ходить, прохаживаться вниз-вверх, бить, поражать, выполнять работу с шумом и *gabatir* – оттачивать, отделывать, прививать навыки, строгать, снимать стружку, шлифовать, тереть,- то есть, предварительно «настрогав» или «натерев» детишек, заниматься их воспитанием, время от времени «снимая с них стружку» за какие-нибудь шалости.

Этому же моменту интенсивного совокупления, определяемому арабск. *gaḅā'* — переспать, совершить половой акт, может соответствовать и англ. *rabid* — бешеный, яростный, связанное с индогерм. *gab-* порывистость, стремительность, пыл, при том что фонетическая тождественность инд. *gab* — здоровый, прочный, умелый, полный, совершенный, интенсивный и перс. *gab* – сосать грудь (о младенце), как и фонетическая тождественность санскритских слов *bala* – сила, власть, насилие и *bāla* — детеныш, определяется не только тем фактом, что из малого может вырасти большое, но и тем, что большое создает малое и затем растит из него такое же большое. Однако эти же слова могут относиться и к сексуально озабоченному мужскому органу — рабу своих естественных «желаний».

В отличие от индийского диалектного *gabais* — предварительные ласки др.-франц. *gabais* – слабеть, опадать, уменьшаться может указывать на завершение процесса совокупления, что в результате развития смыслов слова *gabais* привело к значению «скидка, сбавление цены товара при его покупке». На образ любовной страсти указывает и романофранцузское слово *rabis*, которое переводится как *loup ravissant* — восхитительный волк, что можно связать с русским волк — дружка на свадьбе,- или же сам жених, «ворующий» невесту у взрастившей ее семьи. Поэтому слова «рабить» или «грабить» когда-то могли означать отъем молодой девушки «волком» из чужого рода или же попытку завоевать девичье сердце путем пятнания девушки ладонью (рабить — слегка ударять по спине) при погоне во время молодежных игр.



Любопытно, что если связать слово «бедняк» со словом «беда», то эти слова могут быть соотнесены с санскр. bheda – раскалывание, ломка, разрушение, ранение, изменение, но в то же время и расцвет, что соответствует изменениям, происходящим в природе с наступлением весны, изменениям в организме женщины в связи с ее беременностью и изменениям при родах, когда ребенок, выходящий наружу, раскалывает материнское лоно подобно растению или цветку, выходящему из лона земли.

Более того если сравнить англ. rob – грабить со словом из африканского языка йоруба gobi – мучиться, испытывать родовые муки, то за древним эвфемизмом «грабить» можно увидеть вынимание ребенка из женщины во время родов, который затем закутывается в тесные пеленки, словно в оковы, отправляясь в свое путешествие с названием «жизнь», что, как ни странно, соответствует еще одному слову из языка йоруба: rebi (re — ebi) – отправиться в путешествие, проживать, пребывать, жить, которое еще одним значением «временное пребывание» создает вариант с путешествием мужского начала в женское, то есть даже не на край, а за край света (видимого мира).



Поэтому за всеми этими значениями могут скрываться три образа: образ божества весны или молодого и яркого солнца, разбивающего оковы зимней стужи, образ ребенка, который до поры своего взросления сакральным образом соединен с разбитыми им «оковами» материнского лона, и образ пробудившегося молодого начала, получающего способность к активному плодородию, то есть разбивающего «оковы» замороженного в сексуальном плане детства, что соответствует араб. га – наблюдать, осознавать и аб – отец, создатель.

Однако в диалектах арабского языка есть г', означающее указательное «вот он», - в данном случае создатель, - что равнозначно копт. ġ - делать, которое при соединении с копт. ab – плоть дает значение «делающая плоть», что соответствует араб. гаѣ́ — совершить половой акт. Если же использовать трактовку «делать (сделанная) плоть», то речь может идти о ребенке, потому что другое значение ab — муха, насекомое указывает на маленький размер плоти, что соответствует копт. рнв (реб, раб) — часть, доля, компонент и рвѣ — облик, образ, форма в качестве сформировавшейся части, извлеченной из роженицы. Любопытно, что в то же время в арабских диалектах внешне похожее на рнв слово ġhb означает молотильная площадка, что иносказательно указывает на женское лоно.



При этом можно предположить, что егип. *gā āb* — быть возбужденным любовью или страстью наиболее соответствует третьему образу, связанному с отрочеством ребенка, готовящегося с приобретением нового *rabâ'* — статуса работать и в поле, и на любовном ложе, и на военном поприще, когда пробудившееся мужское начало, нередко отождествляемое с крепким и мощным орудием, получает волшебную способность мгновенно набухать и увеличиваться в размерах, что соответствует араб. *gaba* – повышаться, увеличиваться, расти.

В то же время одержимость любовными желаниями из-за резкого повышения половых гормонов в молодом организме, которая мудрым народом приравнена к дьявольскому наваждению, заставляющему молодежь «бушевать» и «трепетать», позволяет сопоставить егип. *gā āb* - быть возбужденным любовью или страстью, одержимость демоном с ассир. *ga'ābu* – ярый, неистовый, злющий, охваченный дрожью, при том что эти значения в большей степени относятся не к молодому человеку, а к гиперболизированному в народном сознании половому органу-гиганту.

Таким образом к значениям дневной человеческой работы в поле, во время охоты и боевых действий, а также небесной работы солнца с наступлением дня и ночных светил с наступлением ночи, добавляется ночная человеческая работа во время сексуальных отношений мужчины и женщины, на что указывают *kāma* - страсть, желание, любовь, половой акт и *kāmā* - работник из *A Comparative Dictionary of the Indo-Aryan Languages*. Поэтому солнце и луна в народных представлениях ведут себя как люди и даже состоят в браке, а рождение человека увязывается с рождением новой звезды на небе.



Надо сказать, что все старые языки насквозь пронизаны такими эротическими моментами, которые сейчас не всегда нами осознаются, как, например, эротика, присутствующая в английском имени Дик, которое считается сокращением от Ричард и в то же время имеет сленговое значение «пенис». Любопытно, что деление слова Ричард (Richard) на rik (воин-правитель) и hard (могучий, сильный) в своей основе ничего не меняет, потому как пенис и должен быть могучим и сильным воином, чтобы самоотверженно и яростно служить продолжению рода.

Поэтому англ. rik или начальное Ric в слове Richard можно сопоставить с санскр. ric – выливать, высыпать, испускать, опорожнять, погибать, умирать, чем и занимается мужской орган в двух своих назначениях, пока одно из этих назначений не отомрет. Даже русское слово батя, восходящее к праиндоевр. bhā-t- отец, старший брат, нельзя отделять от протоиндоевр. bhāt- (bhət-) - нажимать, попадать, поражать, ударять, бить, потому что и отец, и старший, то есть взрослый, брат могут заниматься не только работой в поле или на поле битвы, но и работой на любовном ложе.



На это же указывают и протокельтские слова batt- наносить удар и bat-e/o — говорить, выступать, свидетельствовать,- то есть иметь право голоса, которого у детей не было. Но в то же время кельтские bata- тупой, молчаливый и bato- смерть, гибель можно связать не только с «молчаливым» для взрослых детством (сравните: санскр. baṭu — мальчик, сорванец), которое до поры своего взросления принадлежало потустороннему миру, но и с неработающим мужским органом, которому пока еще «нечего сказать», встав при этом в полный рост,- то есть во всю свою «остроту».

Исходя из всего вышесказанного в слове «rab» нет ничего рабского в современном понимании этого слова, потому что за еще одним значением арабского слова rabā — поднимать, воспитывать, обучать, давать образование скрывается довольно жесткая в те времена подготовка ко взрослой жизни, в которой не было места нынешней изнеженности и толерантности. Такая подготовка позволяла подростку стать человеком, не только имеющим право на высказывание собственного мнения и право на вступление в брак, но и в полной мере соответствующим арабскому слову ra'b — хозяин, которое в какой-то мере можно сопоставить с турецким rab — бог, потому что глава семьи был для нее непререкаемым авторитетом.

Будущий арабский ra'b — хозяин в период своего младенчества и с учетом мены g-l в разных языках может быть охарактеризован словами из ностратического (доисторического) языка lab - завладеть, схватить и lab - жадно есть, лакать, сосать

молоко (из материнской груди), на что также указывают санскр. *gabh* – захватывать, зажимать, удерживать, неистово желать и перс. *gab* – сосать (грудь).



Однако араб. *la'ab* — выступать, играть, исполнять, воспроизводить может содержать в себе скрытый намек на исполнение супружеских обязанностей в виде любовной игры, что соответствует сопоставлению англ. *game* — игра и санскр. *gama* – спаривание, случка, соитие. В таком случае араб. *la'aba* — капать, сочиться, пускать слюни имеет двусмысленные значения, потому что «пускать слюни» может не только маленький ребенок, но и мужской орган во время любовного соития.

Более того в арабских словах *ga"âb* – лудильщик и *gá'ab* (*ga'b*) – шевелиться, передвигаться, чинить разбитое, разорванное может присутствовать ассоциативное переосмысление егип. *gâ âb* - быть возбужденным любовью или страстью, которое таким образом может относиться непосредственно к мужскому началу, «чинящему» женское как бы «разорванное» лоно. Поэтому арабск. *gaâ'* — переспать, совершать половой акт, сожительствовать можно сравнить с гр. *ráβw* — зашивать,- то есть связывать между собой две удаленные друг от друга противоположности или две «половинки», что проделывает и *raâsi* — любовное письмо (от «раба» к «рабе» любви и наоборот).



Слово *gába* присутствует и в австронезийских языках, где оно означает «размножение, увеличение, расширение», но в то же время португ. *gabo* – хвост, исп. *gabo* – конец и немецкие сленговые *gabe* – негодяй, паршивец, *gabatz* – совокупление не оставляют сомнения в эротическом характере этих слов, связанных в основном с пубертатным периодом созревания молодого организма, в то время как период после инициации, во время которой проводилось и половое воспитание молодежи, можно обозначить арабским словом *gabig* — утонченный, искусный. Сравните: башк.

рабиг — весенний сезон, то есть сезон молодости, когда приходит пора приобретать знания и душевную тонкость, свойственную культурному (в идеале) человеческому обществу.



Не зря же в христианстве существовал символ «обезьяна, закованная в цепи», обозначающий окончательную победу над молодой телесной похотью. В данном случае любопытно сравнить санскритские слова *gabha* — название обезьяны и *gabh* — захватывать, зажимать, неистово желать, действовать опрометчиво, чьи значения характеризуют действия пока еще не управляемой разумом молодежи. Необходимо также обратить внимание на санскритские слова *vāpaṅga* — обезьяна в сравнении с Венерой — богиней любви и *kīśa* — обезьяна с учетом того, что «киса (киска)» может быть ласковым обращением к женщине и одновременно жаргонным обозначением женского органа.

Любопытны также арабские слова *gábat* — хватать, овладевать, связывать, соединять, сковывать, *gab'ât (gáb'e)* — коренастый, плотный, ружье, втулка, вкладыш, гнездо, *gaba'ât* — место для остановок, жилье и *gábad* — меняться, преображаться, становиться суровым и мрачным, пленять, сковывать, присоединять, задерживаться, пребывать, *gábaḍ* — быть искусным в обработке, *gábaḍ* — навестить, отдохнуть, жена, мать, сестра, которые могут быть эвфемизмами, скрывающими за своими значениями сексуальные взаимоотношения мужского (вкладыш) и женского (гнездо, жилье) начал.

Но при этом слово *gábat* — воспитывать, учить, вскармливать, быть закрытым может относиться не только к сексуальному познанию, но и к воспитанию своего или чужого ребенка. На это указывают арабские слова *gább* — отчим и *gábbe* — мачеха, которые при этом являются *gabb* — господами для такого ребенка с нередко соответствующим к нему отношением, тем более что в древности существовала традиция передавать подростка в чужую семью, то есть в «сироты», для более строгого воспитания. У кавказских народов такая традиция называлась аталычество, а в Европе — *fosterage*. Более того ребенка могли и украсть, в том числе недавно рожденного, чтобы объявить себя его воспитателем.



При этом сленговое нем. *haben* – украсть, похитить не случайно имеет общий корень с нем. *Rabe* – ворон, как впрочем и русское слово «ворон» не случайно связано с санскритскими словами *varaṇa* — выбор, желание, изречения при избрании жрецов и *vara* – жених, избранник, что можно сравнить с пожеланиями жениху быть верным своей семье и мудрым как ворон, но в то же время не избегать и мест сражений, что сопоставимо с санскр. *vāraṇa* — опасный, дикий, сильный. При этом звук «карр», который изрекает вещая птица ворон, можно сравнить с санскр. *kāra* – звук, слово.

Очевидно, что со словом *vara* – жених, избранник в каких-то моментах соотносится слово «вор», потому что в человеческой культуре существует обрядовое воровство невест. Хотя слово «вор» и связывают со значением «обманывать», но некоторые женихи порою также обманывали и до сих пор обманывают своих избранниц, воруя при этом у них «женскую честь», что впрочем когда-то могло входить в обрядовую систему испытания девушек перед замужеством.



Однако в иных случаях сражение и воровство можно назвать битвой за урожай, который при этом похищается у матушки-земли, как ребенок «похищается» у роженицы-матери. Поэтому латин. *rob* – грабить и укр. *робити* — работать вполне сопоставимы друг с другом. Сравните также санскр. *rabh* – начинать, предпринимать, мечтать, хватать (начало работы) и *grabh* – присваивать, собирать, срывать, хватать

(завершение работы), где отождествляются значения робить (начинать работать) и грабить (отнимать выросший урожай).

При этом, как было сказано ранее, даже любящий жених отчасти является таким же «вором» или «грабителем», который отнимает у родителей девушки рожденный и возвращенный ими «урожай», но в этой же роли выступали и жрецы, забиравшие повзрослевших детей для их инициации, а сейчас выступает армия, в которой новобранцы ощущают себя сиротами, лишенными защитников-родителей.

Выше были приведены арабские слова *gábaḍ* — навестить, отдохнуть и *gábaṭ* — хватать, овладевать, связывать, соединять, сковывать, в которых окончание *baḍ* не случайно схоже с *bad'* — порождать, родить, приходить, начинаться, *bád'* – начало, бог, владыка, *bad* – хорошо, bravo, молодец и *baḍ'* - вытекать, проистекать, сопровождать, следовать, а окончание *baṭ* не случайно схоже с *bat'* - делать, готовить, причинять и *báṭa* (*baṭw*) – вспотеть (что происходит при интенсивной работе).

Обратите при этом внимание на сочетаемость арабских слов *ga'b* — хозяин и *bád'* — владыка, при том что со всеми вышеназванными значениями арабских слов связано греч. *βάτω* — идти, отправляться, приходить, находиться, преследовать, всходить, подниматься, садиться верхом, набрасываться, нападать, входить, покрывать, проходить, протекать, претерпевать, исчезать, пропадать, выходить, спускаться, уходить, которое в подобном расположении своих значений вполне соответствует сексуальной работе мужчины по отношению к женщине, тем более что в общении с женщиной мужчина становится *ṛā* — беспечным и легкомысленным.



А так как такая беспечность в бóльшей степени свойственна молодежи, то др.-гр. *ṛā* можно сопоставить с *ḗar* — весна, весенняя свежесть, красота, цвет, где *ḗ* может соответствовать значения *oi!*, *ax!*, *uwy!*, потому как весна или молодость быстро проходят. При этом значения *āra* (*āp*, *ṛa*) — стало быть, следовательно, таким образом могут служить констатацией данного факта.

Любопытно, что в англ. языке слово *bate* имеет значения «ярость, гнев, бешенство, опускать, трепетать, биться, убавлять, уменьшать, слабеть, жидкость для смягчения», которые можно отнести к половому акту, что подтверждается франц. *bate* со значением «пенис, тупица». Но тупицей и дураком мужское начало может быть в юношеском безбашенном возрасте, когда еще мало житейских знаний, но много страсти и нетерпения. А вот русское «батя» относится уже к достаточно зрелому возрасту, когда имеются свои собственные сорванцы или подчиненные согласно санскритским словам *baṭu* — мальчик, сорванец и *bhaṭa* — воин, слуга.

Естественным образом со всеми этими словами связаны русские слова «раб» и «работа», а также санскр. *rabhate (rabh)* – начинать, предпринимать, мечтать, захватывать, удерживать, сжимать, обвивать, заключать в себе, содержать, неистово желать, действовать опрометчиво, легкомысленно и перс. *рабэт* — связующий, соединяющий, посредник, что напрямую никак не может относиться к образу подневольного работника, взятого в плен или купленного на невольничьем рынке, хотя и отбирают для продажи молодых и сильных.



Но зато значения *rabhate (rabh)* хорошо укладываются в описание образа подростка пубертатного периода, полного бурлящих молодых сил и активно готовящегося к работе на поле и работе на любовном ложе.

Этот период в жизни человека нередко отличается от остальной его жизни хулиганистым характером и задиристостью, что можно сопоставить с немецким сленговым *rabe* – негодяй, паршивец и санскр. *baṭu* – мальчик, сорванец, которое определенным образом связано с *bata* – слабовольный человек, потому как подросток этого возраста не умеет еще контролировать свои эмоции и страсти.

То, что значения слова *rabhate (rabh)* могли относиться именно к подростку в начале его наполненной разнообразной работой жизни подтверждают слова из африканского языка фула *ra'b'b* — маленький, короткий, *гаа'b* — придурок, шут, безумец, охотник и *re'b-* (*rebude*) - обладать маленькими прыщами, потому что и подростковые прыщи, и «безумное» на взгляд взрослых жителей поведение молодежи являются следствием взросления человеческого организма.

Более того сопоставление баскских слов *gabia* — бешенство, ярость, неистовость, раж, *gabitu* — очаровывать, восхищать и *gabi* — мастер, учитель (ребе — раввин) с баскск. *gabanillo* – заносчивость, гонор, сильное желание, охота может выявить не только образ буйного подростка переходного возраста, который хочет понравиться противоположному полу, но и образ его наставника во время инициации или воспитания, который в отличие от своих адептов должен быть спокойным и рассудительным.

При этом ностр. *rab* – двигаться, передвигаться и и-е *rebh* – двигаться, передвигаться, спешить можно отнести и ко времени зачатия, и ко времени родов и последующего младенчества, и ко всему детскому возрасту, когда ребенок мечтает скорее повзрослеть, но это же можно отнести и ко всем взрослым людям,

заботящимся и воспитывающим свое потомство, без которого им просто не выжить. А значит слово «раб» включает в себя не только смысл связи, но и смыслы движения и заботы о потомстве и близких людях, что равнозначно значению «жить».

Естественно, что все эти соображения более применимы к прошлым временам, когда подобные слова и создавались.



Таким образом слово «раб» может обозначать в общих своих значениях и состояние беспомощного плода в утробе беременной женщины, и маленького глупого ребенка, стянутого пеленками, и пока еще недостаточно знающего подростка, находящегося в зависимости от своих родителей, и взрослого человека-попечителя с устоявшимся умом, который присматривает за ребенком и несет за него ответственность,- то есть слово «раб» так или иначе связано с периодом детства, а значит и слово «араб» может включать его в качестве элемента. На это указывают арабские слова *arab* (*āḡāb*) — желание, стремление, страсть, вожеление, замысел, итог, *āḡāb* - благоразумие, смышленность, ум и *āḡāb* — присоединяться, бить, ударять, звено, конечность, сустав, колено, при том что слово «колено» не случайно связано со словом «поколение».

Поэтому наименование «араб» в своей основе является не обозначением нации как таковой, а обозначением множества людей, связанных между собой не столько религией, сколько более древним обычаем иметь много детей, поэтому и существовало арабское слово *āḡāb* — прикрепление. Но это было не прикрепление холопа к хозяину или крестьянина к земле, а более человеческое и разумное прикрепление людей друг к другу в единую семью или единую общину, что позволяло им выжить, помогая друг другу.



Такое же отличие когда-то было и у славян, старавшихся иметь множество детей, поэтому их так много в Европе (300 млн человек), в то время как арабов много в странах Ближнего Востока и Северной Африки (430-450 млн). Здесь находится исток появления пресловутого термина slave – раб, ведь даже вариант происхождения среднеангл. slave ← старофр. sclave ← латин. slavus ← среднегр. σκλάβος (раб, пленник), σκλάβα (рабыня, пленница) можно соотнести со σκλαβώνω с весьма двусмысленным значением «пленять, покорять», что подтверждается словом σκλαβα — наложница, любовница, сожительница, содержанка, обнаруженном в A Patristic Greek Lexicon.

Это второе значение гр. σκλαβα никак не согласуется с нынешним понятием раба, потому что у наложницы правителя могло быть влияния больше, чем у всех министров вместе взятых, и подчинялась она исключительно своему господину, как и жена беспрекословно подчинялась своему мужу. А значит σκλάβος (раб, пленник) мог быть всего лишь молодым и сильным по своей природе человеком, но в отдельных случаях он мог быть и выжившим из ума стариком, попавшим в обманчивые сети какой-нибудь юной красавицы.

Тем не менее, определяя «склавоса» как «раба любви», страдающего от своей безудержной страсти, можно ограничить его возраст с одной стороны периодом детства, а с другой стороны периодом супружества, из чего можно заключить, что «склавос» или «склав» — это молодой неженатый человек, который мог быть как рындой, охраняющим правителя, так и претендентом на руку и сердце юной девушки, потому что в те годы 20-летняя считалась уже перестарком.



Фibuла (застежка)

В принципе это соответствует русскому термину «варяг» — охранник и санскритскому слову *vara* – жених, супруг. Исходя из этого, древнегреческие слова *σκλάβος* и *σκλαβα* можно сравнить с санскритскими словами *śāka* — помощник и *labha* – обретение, преимущество, прибыль, а также с древнегреческими словами *σάκος* — защита и *λάβις* — застежка, пряжка, которая пристегивает одно к другому, что и означает получение прибыли, каковой может быть, например, молодая девушка для мужнего рода или надежная охрана, состоящая из молодых и обученных парней, для правителя. В таком случае символическое значение застежки с пряжкой соответствует значению защитного круга, что подтверждается санскритскими словами *vara* – жених, любовник, супруг, избранник и *vara* – замкнутое пространство, круг.



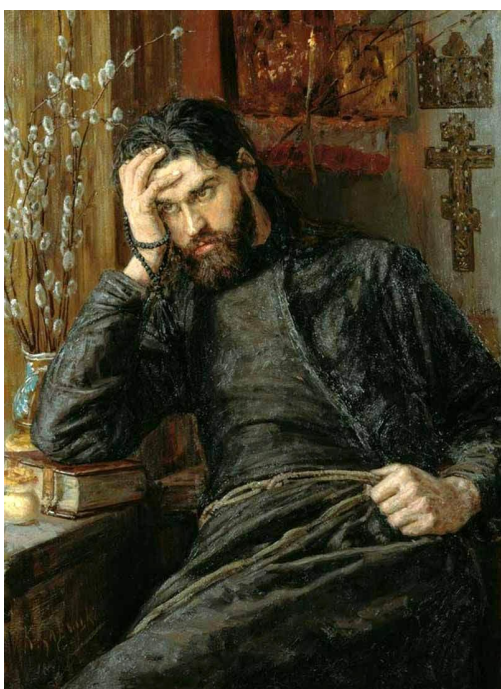
То что санскр. «*rabh*» (*rabhate*) не имеет к образу раба в современном понимании этого слова никакого отношения подтверждает и санскр. «*rabha*» – название обезьяны в сопоставлении с санскр. *rabh* – хватать, зажимать. Именно обезьяны хватаются за ветки, прыгая по деревьям, но в Индии они являются священными животными, которых нельзя тронуть даже пальцем. В этом своем образе обезьяны-*rabha* сближаются с образом божества, которое в турецком языке обозначается словом *rab*, а в арабском — *rab*. По своему образу обезьяна похожа на человека, а человек, как известно, был создан по образу и подобию Божьему.

Это же касалось и образа ребенка до его полноценного взросления, когда он после инициации и вступления в брак получал не только право голоса, но и другие привилегии, свойственные взрослому человеку,- а точнее просто человеку, потому как ребенок согласно старому мировоззрению был всего лишь подобием человека, что позволяет сопоставить русское слово «ребенок» и санскр. *rabha* – обезьяна, хотя более точным для русского языка было бы сопоставление слова «ребенок» (ребя) с санскр. *rebha* – скрипящий, бормочущий, звучащий, прославляющий, потому как голос ребенка приравнивался к звукам окружающей природы, которая этими звуками «прославляла» своего Создателя, а ребенок должен был славить своих родителей.

Таким образом в слове «ребенок» может присутствовать смысл невнятной речи после его рождения, когда малыш еще не умеет разговаривать, а затем уже смысл подростковой речи,- понятной, но нелегитимной,- к которой никто из взрослых не будет особо прислушиваться до прохождения подростком инициации. Помимо этого есть и смысл «хватать, зажимать» (санскр. *rabh*), когда ребенка берут на руки и он сам хватается предметы своими ручонками, а также смысл заключения в «зажимы»

(пеленки), которые в какой-то мере соответствуют заключению плода в темнице женской утробы. К тому же дети должны были беспрекословно подчиняться своим родителям, особенно отцу.

Но если значения санскр. *rebha* — бормочущий, звучащий, прославляющий относятся ко всему периоду развития ребенка, то слово *re'b-* 'обладать маленькими прыщами' из языка фула можно отнести к периоду гормональных сдвигов в организме ребенка, завершающих его половое развитие и связанных с формированием собственного «Я», которое когда-то сопровождалось обрядовым издевательством в качестве своеобразного подталкивания к добровольному совершению инициации в те времена, когда она еще проводилась языческими жрецами.



Савицкий К.А. Инок

Можно даже сказать, что ребенок, лишенный многих жизненных удовольствий, но зато призванный беспрекословно подчиняться главе семьи и своим поведением прославлять его, подобен монаху — иноку, находящемуся в подчинении у Бога и славящего своего Господа, поэтому соединение элемента «реба» с элементом «инок» согласно санскр. «a+i дает e» как раз и образует слово «ребенок», в котором заложен смысл инаковости, схожей с подобием.

Если же мы в свою очередь попробуем разобрать слово «инок» на части согласно санскр. «a+u дает o», то можем обнаружить соединение *ina+uk* (уч), где элемент «ина» можно сопоставить с санскр. *ina* – способный, годный, дикий, буйный, могучий, а элемент *uk* (ус) — с санскр. *ikh* – вращаться, приводить в движение (*uc* – быть приученным, подходящим, полезным).

То есть слово «инок» в качестве церковного термина можно трактовать как «усмиривший свой нрав», что дало бы соединение *ina* — дикий, буйный, могучий и *uc* – быть приученным, подходящим, полезным, в то время как ребенок-непоседа в окончании своего наименования имеет элемент, который можно трактовать как «способный вращаться и быстро двигаться», что сопоставимо со словами *ina* – способный и *ikh* – вращаться, приводить в движение.

То, что слово rebha — бормочущий, звучащий, прославляющий может относиться к ребенку, подтверждает русское диалектное робя — ребенок, где, возможно, присутствуют элементы, подобные санскритским словам га – дарить и ubha – оба. Таким образом, слово «робя» можно трактовать как «подаренный двумя», «сокровище двоих» или «полученный с помощью любовной игры двоих», потому что санскр. га может иметь значения «дарить, огонь, страсть, любовная игра, сокровище».



С этой точки зрения интересно рассмотреть и русское слово «ребя» - ребята, мужское собрание простолюдинов, рабочие, солдаты, которое также можно сравнить с санскр. rebha – скрипящий, бормочущий, звучащий, прославляющий, за смыслами которого может таиться образ человека, чей голос для власти подобен шуму окружающей природы, то есть невнятен, но зато у него есть возможность воздавать хвалу своему господину, отцу, командиру.

Интересно, что словом rebha также обозначается имя риши (мудреца), по воле случая пребывавшего в колодце в течение 9 дней, где, возможно, присутствует намек на пребывание младенца в течение 9 месяцев в материнской утробе или же прохождение подростком достаточно долгой (вероятно, также 9 месяцев) инициации в запретном для других месте.

Более того согласно тому, что в санскрите соединение a+i дает e, в слове rebha может присутствовать элемент ubha – слуги, домочадцы (чада), при том, что санскр. chada – крыша, кров, убежище указывает как на кровное родство, так и на условное родство по служебным обязанностям. Присутствие же в слове rebha элемента га, имеющего помимо прочего смысл любовного вождения и страсти еще больше сближает это слово со словом «ребенок» (чадо) в качестве итога подобных любовных заигрываний.

Таким образом, санскр. rabhas — сила, мощь, а вместе с ним и латин. rob – грабить, отнимать, разбойничать, вряд ли подходят для образа подневольного человека,- но зато оба эти слова хорошо объясняют смысл известного постулата «право сильного».



Хануман

При этом мощь и сила *gabha*-обезьяны проявляется в обезьяноподобном божестве Ханумане (сыне и воплощении Шивы), который в детстве был большим озорником и частенько воровал у отшельников принадлежащие им вещи. Отличался он и своей способностью мгновенно увеличиваться в размерах. Если мы воспримем образ этого героя как отображение подростка, проходившего инициацию, связанную в том числе и с набегами на крестьянские дворы, то сломанная в детстве челюсть Ханумана может отображать отсутствие права человеческого голоса у иницилируемых, а также отсутствие возможности высказать свое мнение у подраставших детей.

При этом способность мгновенно увеличиваться в размерах может скрывать под собой быстрый переход после окончания инициации из низкого статуса, свойственного детскому возрасту, в высокий статус взрослого члена общества. Но также вероятно, что за мгновенным изменением формы Ханумана скрыто мгновенное изменение формы возбужденного мужского начала, что позволяет сопоставить латин. *forma* (обличье, вид, образ) со шв. *förmá* — мочь, побуждать, быть в состоянии, что соответствует англ. *shape* — форма и санскр. *sara* – мужской половой орган. Можно добавить и неслучайное сопоставление англ. *hero* — герой, богатырь с русским обценным словом «хер».



Здесь возникает интересный вопрос о причинах смыслового противопоставления славянского слова «раб (роб)» всем остальным фонетическим аналогам этого слова в не славянских языках, хотя, например, русское диалектное *рабить* — ловить, догонять девушку при игре в парочки или горелки, когда парень хлопает ее ладонью

по спине, приглашая на ночное гулянье, может иметь отношение к араб. *rābit* — скреплять, привязывать, сковывать, не имеющему ничего общего с нынешним рабством.

И, действительно, другие значения араб. *rābit* — уличный грабитель, смелый, бесстрашный можно связать с англ. *rob* - грабить, которое изначально могло соответствовать санскр. (g)rabh – хватать, страстно желать, действовать опрометчиво, что может относиться к образу проходивших инициацию молодых парней, вследствие чего они получали право на вступление в брак, а также к образу их более поздних сородичей, обворовывавших чужие огороды и соблазнявших девушек, на что, впрочем, и намекает приглашение на ночное гулянье, которое может послужить установлению брачных отношений между парнем и девушкой или же опорочить и запятнать девушку, вошедшую в пору любовных свиданий. Но в любом случае значения этих слов с общим элементом *gab* следует сопоставить с яп. рабу — любовь.

Можно предположить, что русское слово «рабить» - пятнать в игре понравившуюся девушку соответствует средневековому латинскому слову *raho*, которое отождествляется с латин. *mensurae species*, что можно перевести как «оценивание внешности», - вероятно, по принципу: что красивое — то мое, а некрасивое — чужое, - при том что внешность оценивалась не только при выборе пары, но и при выборе раба на невольничьем рынке. Тем не менее изначальный смысл, - это, все-таки, смысл красоты, которую можно и полюбить, и украсть, и даже уничтожить, как уничтожает красоту равнодушное к ней время.

В какой-то мере взрослая игра в горелки, в которую играли холостые парни и незамужние девушки, соответствует детской игре в пятнашки или догонялки, где догоняющий пятнает партнера касанием руки, то есть как бы ставит на нем «пятно» или «клеймо» в качестве знака собственности. Впрочем, схожее по древнему смыслу «пятно» на лоб верующего ставится и священником во время помазания в церкви. Таким образом помазание — это приобщение к Божьей благодати, что позволяет слово «раб» в религиозном смысле трактовать как «приобщенный к Rab – богу».



Надо сказать, что к древним инициациям сумасбродной молодости может восходить и англ. *brat* — отродье, сорванец, негодник, ребенок, удивительным образом похожее на наше слово «брат», в котором также присутствует древнейший смысл братства союзного, а не кровного, что сближает его со словом «братъ» (например, в партнеры или в адепты учения).

Вместе с тем значения скорости и шлепка, которым парень снабжает пойманную им девушку при игре в горелки, можно обнаружить в устаревшем датском *gæbe* – скорый, быстрый, которое связывают со швед. *garr* – быстрый, расторопный, удар, шлепок.

Можно указать и на англ. *gar* – легко или резко ударять, стучать, которое также имеет сленговые значения «хватать, растрчивать», при том что диалектное англ. *gab* – битый камень в карьере, гранитная крошка для ремонта дорог, деревянная колотушка для замешивания раствора в своей основе «колотушка, битье, замешивание раствора» может скрывать взаимодействие мужского и женского начал, на что указывает и диал. *gāb* — рухнуть всей тяжестью (разрушая при этом девичью «крепость»). Сюда же можно добавить черемисское (марийское) слово *раба* — тычина, то есть палка, воткнутая в землю (в лоно земли), где явно виден эротический подтекст.

А так как палка втыкалась заостренным концом, то черемисск. *раба* можно сопоставить с афр. *gaba* — точить, затачивать, обострить. Очень хорошо в этом плане подходят слова из валашского говора: *goba* – женщина, *gobiŕ* — делать, совершать, работать и *gobiŕ sa* — мужать, созревать, доходить, *gobaŕ* — бабник, при том что в старочешском языке есть слова *gob* – потомок, наследник, преемник, *goba* – женщина, супруга, девушка, девочка, прислуга и *gobě, -ěte* (pl. *robata*) — ребенок, младенец, юноша, отрок.

Можно также предположить, что эти более древние значения слова «роб» (раб), совмещенные со смыслом подчинения женщины мужчине (иногда против ее воли) и детей родителям, которые их «сработали, состругали, сделали», затем превратились в слово *gobupě* — покорная, подчиненная → прислуга → рабыня, а также в слово *gobnŭ*, которое соответствует чешским словам *otrockŭ* — рабский, раболепный и *robotnŭ* — прилежный, работающий, трудолюбивый.

Однако при этом необходимо обратить внимание на фр. *coqvéable*, которое переводится то как «исправная (тяжелая) работа», то как «испражнения», что может иметь отношение к русским диалектным словам «трудиться» — испытывать родовые муки, рожать и «высрать» (то есть родить) ребенка, который при своем выходе «ломает» женское нутро.

Может, в этих сексуальных отношениях и состоит древний смысл фонетического единения др.-гр. *ἄρμα* — любовь и санскр. *arma* – развалины, руины, при том что латин. *armes* – вооружать, снабжать, снаряжать может нести в себе не только военное значение, но и скрытое за ним значение сексуальное, когда молодой парень с определенного момента «снабжается» действующим на любовном фронте «оружием».

Возможно даже, что слово *armes* состоит из двух праиндоевропейских корней *ar* – взаимно соответствовать и *teg* — натирать, очищать, вредить, где могут присутствовать и образ вонзающегося в тело боевого оружия, и образ проникающего в темное женское лоно и таким образом временно «умирающего» для внешнего мира светлого мужского начала. Поэтому к этим значениям можно также добавить *ar* - присоединяться, вступать, вливаться, достигать, распространять, впадина, пустота и *teg* - яркий, светлый, чистый; погибать, угасать, затихать.

Но, опять же, все эти слова не объясняют изменение смысла слова «раб» в славянских языках, если не принимать во внимание тот факт, что слово «*rab*»

обладает значением связи субъекта (Rab), оказывающего непреодолимое влияние, и объекта (rab), на которого это влияние оказывается, - тогда попадание относительно слабого по своим возможностям человека или человека молодого и пока еще неопытного в сферу влияния более сильной идеи или более сильной и опытной личности и будет изначальным смыслом рабства или службы.



То есть Rab — бог, господин, хозяин и раб — слуга представляют из себя единую систему или единое целое, соответствующее в том числе единению неба и земли, небесного тела и его спутника, мужчины и женщины, учителя и ученика, учения и адепта, а также правителя и любого из его подчиненных, несмотря на должность и звание. Исходя из этого, даже влиятельнейший министр правителя является рабом по отношению к своему правителю, но ровно также и сам правитель, взаимодействующий со своим министром, является рабом выстроенной ими связи.

В любом случае здесь присутствует смысл близости, соседства, который присутствует и в фонетически схожем с русским словом «верный» латин. *verna* — раб, рабыня (родившиеся и выросшие в доме хозяина), местный уроженец, природный римлянин, и в коптском диалектном *rabh* — близость, соседство, окружение, которое можно сопоставить с санскр. *rabh* – начинать, предпринимать, мечтать, схватывать, охватывать, удерживать, зажимать.

Как мы видим, в слове *verna* объединены смыслы невольничества и свободы через общий смысл телесной или духовной близости, который и является наидревнейшим смыслом слова «раб», потому что включение инициативным человеком другого человека в сферу своего влияния и признание его если не полностью равноправным, то в чем-то родственным и близким, по сути может быть признаком верности и соответственно близости в отличие от кого-то далекого и поэтому чуждого.

Любопытно, что латинское слово *verna* — раб, рабыня (родившиеся и выросшие в доме хозяина), местный уроженец, природный римлянин, чьи значения объединяют смыслы невольничества и свободы, семантически полностью соответствует английскому слову *slave* — раб, рабыня, работорговец. Но значение «работорговец» при трактовке термина *slave* предпочитают не замечать.

А между тем таким условным «работоторговцем» можно назвать и местного уроженца-отца, за калым отдающего дочь замуж за пришедшего или приехавшего со стороны «купца»-жениха, при этом как бы отказываясь от нее. Подтверждают это сопоставление латышские слова *ргесе* — товар и *ргесēt* — жениться; выходить замуж, а также русская обрядовая формула сватовства «у вас товар, у нас купец».

В данном случае выросшая дочь могла стать обузой для взрастившей ее семьи, потому что она становилась похожей на созревший для использования, но своевременно не убранный с поля, колос, который, таким образом, лишался своего предназначения. По этой же причине провинившихся в чем-то подчиненных правители ссылали «с глаз подальше». Но в то же время славянский парень, «рабивший» девушку, искал с ней единения и верности, связанных с обоюдным подчинением общему чувству, а не возможности получить по морде, что могло отдалить их друг от друга.

В этимологии слово «раб» так или иначе сопоставляется с латин. *orbus* - лишенный, осиротевший, бездетный, бесплодный, которое, однако, предполагает вариант отсутствия детей по причине невозможности вступления в брак молодого человека до окончания своей инициации, что сопоставимо с латин. *orbo* – лишать, отнимать, отнимать родителей или детей.

Эти значения можно применить к ситуации изъятия подростков детей (лишение их родителей) в пубертатном периоде своего развития из семьи для их последующей инициации, чему, в общем-то, можно придать значения араб. *gab'* — домашний, внутренний, место пребывания, жилище и англ. *rob* – отнимать, лишать, грабить, которое таким образом соответствует латин. *orbo* — лишать, отнимать, а в принципе может соответствовать также родам, когда ребенка изымают из его первого жилища - чрева матери.

То, что такое предположение имеет право на существование, подтверждает сопоставление с этими английским и латинским словами латинских *robeus* – красный и *rabies* — бешенство, неистовство, исступление, которое можно связать не только с покраснением лица разъяренного человека, но и с поведением молодых людей во время функциональных изменений в организме,- в том числе с их смущением и застенчивостью. Поэтому в русских народных сказках присутствуют выражения «красный молодец» и «красна девица», что в то же время соответствует значениям «красивый» и «красивая», потому что наступление юности связывается с наступлением весны (весна-красна), когда вовсю играет ярое молодое солнце и природа, в том числе и человеческая, готовится к началу посева.

Именно в свою весеннюю пору организм молодого человека наливается силой и крепостью, что особенно отражается на его плодородном органе согласно латин. *robis* (= *robis*) – крепость, твердость, бодрость, сила, мощь, отборная часть, дуб, ствол, сердцевина, ядро, база. Именно в этот период молодой человек начинает кружить вокруг девушек, как спутник кружит по своей «орбите» вокруг центра притяжения, да и сами девушки заглядываются на парней, а во время свадьбы жених и невеста надевают на палец *orbis* – кольцо в качестве символа защиты созданной ими семейной общности, из которой они обязуются никогда не выпасть.

К этим ситуациям блуждания молодежи в поисках любовных отношений подходит и егип. *gā āb* - быть возбужденным любовью или страстью, которое, тем не менее, можно сопоставить с профанными египетско-арабскими словами *gaabi* -

выброшенные предметы и *gabaf* — никчемные люди, потому как они являются рабами своей страсти, а значит в этот период больше думают не о семье, в которой они росли, и не о работе в поле, а о любви. Хотя, как уже было сказано ранее, работа в поле и работа на любовном ложе могли сопоставляться между собой.

То есть в слове «раб» и впрямь наблюдаются признаки зависимости от более сильной личности или явления, благодаря чему возникает элемент притяжения одного к другому, при том что такое притяжение обладает сакральным и профанным смыслами.



В таком случае сохранившееся в анналах истории свидетельство о том, что если в бою погибал славянский вождь, то славяне, то есть его окружение, объятые мистическим страхом, тут же прекращали бой, признавая этим свое поражение, может служить прояснению исконного сакрального смысла слова «раб» в древнеславянском сознании, которое не противоречит сообщению о том, что славяне жили в самоуправстве, не признавая над собой никаких вождей, потому как вождь в те времена мог обретать власть только на время боевых действий.

Более того соединение причины прекращения боя древними славянами после гибели объединявшего их вождя со смыслом слова «раб» можно обнаружить в копт. *рнв* — часть, доля, компонент, при том что копт. *Рн* — солнце, бог солнца равняется егип. *Rā* — солнце, *gā* — правитель, властелин, а «в» через др.-гр. *β* равняется латинскому *b* и *v* то же время служит обозначением числа «2» (сравните: оба).

Таким образом словом «раб» в качестве части единого целого можно обозначить любого из равных по положению воинов славянского племени, в то время как вождь, которого можно сравнить со скандинавским *Одином*, - а по сути с божественной *Единицей* или же с «Первым», - являлся олицетворением всего племени (круга, войска) и одновременно его «солнцем» (*Колом*, *Центром*, *Коном*), что аналогично понятию «путеводная звезда». Можно даже сказать, что вождь выступал в качестве отца для своих подчиненных, которые в данном случае соответствовали обращению «ребята».

Поэтому потеря вождя (или в настоящее время знамени) являлась равнозначной гибели всего войска, потому что войско теряло объединяющую силу. В семейном отношении таким вождем являлся глава семьи, а все остальные были его окружением или «рабами», беспрекословно подчинявшимися своему «господину». Добавочное копт. *равн* — район, округ, зона определяет не только зону влияния вождя племени или воеводы, но и окружение, которое подразделяется на чужое (по ту сторону границы) и свое.

При этом копт. «н» равняется русск. «е:», что позволяет слово рнв — часть, доля, компонент читать как «реб», что отсылает нас к образу ребят, за которым могут скрываться не только дети, но и взрослые, подчиненные начальнику или общине, люди. Благодаря этому копт. равн — район, округ, зона можно сравнить с русским словом «равенство».

Что же касается соотношения слова «раб» - подчиненный (второй) и слова Rab — бог, правитель, господин (то есть первый), то эти слова входят в систему мировоззренческого взаимоотношения части и целого, когда такая часть никак не выделяет себя из целого и осознает себя как целое в неразрывном своем единстве. Видимо, так можно воспринимать и сакральную неделимую божественность, которая присутствует в каждой частице созданного Богом мира.

С этой точки зрения любопытно сравнить слова из талышского языка: му — волос, волосы, муж (мужнə) — муравей, мошка, комар и омуже — собираться, соединяться в ряд, где просматривается не только связь государственных мужей, работающих на благо своего государства (муравейника), но и обычай отращивать волосы на голове только с началом периода взросления (возмужания), когда они начинают расти на лице и в интимных местах.

Безусловно здесь надо сравнить егип. gabaʃ – зафиксировать, скрепить, gabb'a' — хозяйка, хозяйка дома, мастерица, искусница, любовница, возлюбленная, фаворитка и gabb' — господин, учитель, хозяин, бог, которое имеет другой иероглиф со значением gabb' — бить, колотить, побеждать, отбивать, что может являться эвфемизмом полового акта и настоящим смыслом выражения «бьет значит любит». Тогда удвоенное слово gabgab – чтобы стать пухлым (пухлой) указывает на мужскую страсть (rā āb), приводящую к беременности (распуханию) любимой женщины.

В таком случае начальное gā в слове gā āb может иметь значения «правитель, властелин, действие, работа», а окончание āb — центр души или сердца, смысл, намерение, понимание, желание, похоть, разум, согласно чего любви может соответствовать как разумное поведение (взрослое), так и предваряющее неразумное поведение влюбленного подростка. В случае обычной крестьянской работы в поле значению gā - солнце может соответствовать значение āb — крестьянин, земледелец, который с рассветом уже работает в поле, сажая или собирая урожай.

В принципе все эти значения можно разделить на две части: сакральную и профанную. К сакральной можно отнести взаимоотношения верующих с Богом и народа (воинов) со своим правителем (вождем), - видимо, к этой части относили и взаимоотношения крестьян с землей, а также супружеские отношения.

К профанной части из рассмотренных выше значений можно отнести любовь, а точнее страсть, крайне зависимую и осуждаемую, когда она берет верх над человеческим разумом, который при этом становится «рабом любви», - но все эти значения, опять же, не объясняют смысл унижительного слова «раб» в современном мире и особенно в мире славянском, при том что зависимыми людьми так или иначе были не только пленные разных племен во все времена или крестьянское сословие, неразрывно связанное с землей, а также ее потерявшее, но и христианские князья с боярами тоже, потому как им стали принадлежать завоеванные у крестьян-язычников земли, к которым эти князья с боярами прикреплялись по своему положению.



Блудница Раав, спасающая лазутчиков-евреев

Можно предположить, что в очернении слова «раб» в славянском мире большую роль сыграла история блудницы Раав (др.-гр. Ραάβ), чье имя могло стать древнеболгарским словом раб - невольница, служанка, девица. Это предположение подтверждает тот факт, что благодаря предательству Раав евреи захватили и разрушили дотла ее родной город Иерихон, перебив всех его жителей за исключением семьи Раав, что, однако, не помешало возвести эту блудницу и преступницу в ранг святой, увеличив ее гражданский «вес» согласно араб. *gaba* — рост, увеличение и *gabâ'* — статус.

Таким образом Раав не только сослужила службу чужому роду, но и была приближена к Богу, что тождественно связи слов раб — подневольный человек и Rab — бог. Однако вряд ли к ней евреи относились как к еврейке, потому как она не принадлежала к их роду.

Хотя в отдельных источниках блудницу Раав попытались выдать замуж то за Иисуса Навина, то за Салмона, прапрадеда Давида, делая попытки еще больше увеличить ее статус, но отсутствие других свидетельств о ее дальнейшей жизни среди израильтян может указывать на потерю к ней всяческого интереса.

Тем не менее можно предположить, что Ραάβ стала не женой, а наложницей (пилегеш), кого-то из важных израильтян, потому как по слухам обладала невероятной красотой, от которой у мужчин случалась поллюция. Но в таком случае бывшая блудница в статусе наложницы обладала такими же уважением и неприкосновенностью, что и жена, что никак не говорит о ее несправедливости.

Однако отсутствие свадебного обряда и брачного договора в отношении наложницы согласно древнеславянскому мировоззрению как раз и могло указывать на ее неполноценность, а значит и на неполноценность ее будущего ребенка-рабичика (хотя у евреев он имел одинаковые права с законными детьми), что приводило к серьезному противоречию между статусом наложницы князя (рабы) и статусом жены

князя (Рабы), несмотря на признание древнерусской церковью наложницы Рааѳ в качестве святой.



Свадьба

Можно также предположить, что эта история в какой-то мере отражает переход (блудание) выходящей замуж девушки из своего рода (который уже не считается своим) в род чужой, что можно подтвердить сопоставлением ивр. זונה (zona) - блудница, которое употреблено по отношению к Раав, и русск. жена, жонка (сравните: диал. зонка — парень, то есть жених) в сопоставлении с др.-гр. ζῶνα — брак, свадьба. Любопытно, что связь значений «блудница, жена» и факта разрушения Иерихона отражена в сочетании др.-гр. ἄρμα — любовь, ἄρμός — связь, скрепа и санскр. агта – развалины, руины, что может отражать и разрыв выходящей замуж девушки со своим родом из-за любви, и исчезновение самой любви.

При этом значения агта – развалины, руины согласуются с диалектным англ. gāb — рухнуть всей тяжестью и с араб. ábat - броситься вниз, падать, пикировать, обрушаться, что может быть связано и с выражением «рухнула вся жизнь», когда человек теряет при этом свой более высокий статус и может опуститься на «дно» жизни, то есть стать «рабом» в современном понимании этого слова. Но это же может означать и «падение» мужчины на женщину, и «падение» неба на землю во время грозы, когда происходит их сакральное соединение.

Если же принять во внимание мысль о том, что в основе прозвища Раав лежит еврейский корень со значением «широкий, большой», что отражает большие заслуги блудницы перед завоевателями, то это прозвище соответствует араб. rabā' — превышение, избыток, благосклонность, покровительство, услуга, что, как раз, и означает «услуга за услугу». Таким образом в русском слове раб — подневольный человек и египетско-арабском gabaʃ — никчемные люди могло сохраниться безразличное отношение к этой святой блуднице, а также ко всем молодым бабникам, не определившимся еще с выбором второй половины.

При этом можно указать и на егип. ábata, поставленное в соответствие с англ. «servant, slave» - слуга, чиновник, раб, ведомый, потому что любое действие человека, приводящее к какому-нибудь результату, могло считаться работой во славу божью, а значит любой работник, будь он простым слугой или большим «начальником», выполнял божье указание или указание правителя (егип. Rā – солнце, gā — правитель, копт. ʔ- делать), тем более что начальное á могло означать приветствие.

Но в то же время егип. *gā* — правитель и *âbata* — слуга, чиновник, раб, ведомый по смыслу совпадают с заявленными в начале этой обширной статьи санскритскими словами *ga* - давать, дарить, жаловать и *bhata* - заработная или арендная плата, наем, нанятый солдат, воин, прислужник, слуга, потому как правитель может жаловать, а слуга принимать заработанное им жалование в соответствии со статусом и должностью.

Но самым первым работником или делателем, как утверждает церковь, был сам Господь Бог, создавший не только наш мир, но и первую человеческую пару, так что никто не посмеет назвать его бесправным рабом. Впоследствии, согласно Божьей заповеди «плодитесь и размножайтесь», сакральную работу по созданию человеческих существ и укреплению общечеловеческого мира продолжили новые творцы-мужчины и их помощники-женщины, которые твердо и непреклонно работали над выполнением этой установки, связывая в единое целое свои судьбы, что соответствует арабским словам *rabaṭa* — укреплять, усиливать, наращивать и *r-b-ṭ* - связывать, соединять.

Литература

Праиндоевропейский ПИЕ корнеслов

Протокельтско-английский словарь

С. Л. Николаев, С. А. Старостин, Этимологическая база данных по индоевропейскому праязыку

E.A. Wallis Budge An egyptian hieroglyphic dictionary

Dr. Adolf Wahrmund Handwörterbuch der neu-arabischen und deutschen Sprache

András Rajki Arabic Dictionary [with etymologies]

Hans Wehr A Dictionary of modern written arabic

Elsaid M. Badawi Muhammad Abdel Haleem Arabic-English dictionary of Qur'anic usage

Monier-Williams A Sanskrit-English Dictionary

Jan Frederik Niermeyer Mediae Latinitatis lexicon minus. A medieval Latin-French English dictionary

Bevan G.A. Geiriadur Prifysgol Cymru (древневалл)

Emil Pallioppi Dizionari dels idioms romauntschs (Wörterbuch der romanischen Mundarten)

Словарь русских народных говоров

Тилль и др. Коптско-русский словарь

Arabische Dialektgeographie Eine Einführung by Manfred Woidich Peter Behnstedt

Троицкий В.П. Черемисско-русский словарь

J. Fabian Slovník nespisovneho jazyka valaskeho

Bělič, J. и др. Malý staročeský slovník

Samuel Ajayi Crowther A vocabulary of the Yoruba language

Dictionnaire roman, walon, celtique et tudesque

LaCombe François Dictionnaire de la langue romane, ou du vieux langage françois

Walde Alois Vergleichendes Worterbuch der Indogermanischen Sprachen

Cary H.N., Kerner F. The slang of venery and its analogues

Risale Sozlugu Arapca-Turkce

The law lexicon of British-India

Whitney W., Smith, B. The Century dictionary and cyclopedia

Картинки взяты из интернета. Спасибо авторам.